

Архиерейская хиротония и «исповедания» епископов в первой трети XV в.

Мария Корогодина

Consecration of Bishops and «Lists of Creed» in the first third of the 15th century

Maria Korogodina

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016611-3

Система церковной иерархии в Киевской митрополии претерпела существенные изменения в первой половине XV в. Взаимоотношения архиерея с митрополитом и паствой во многом определялись обещаниями, даваемыми во время хиротонии, и наставлениями, получаемыми будущим епископом от главы Церкви. Эти тексты, которые ставленник подписывал и зачитывал вслух, по пунктам перечисляют его обязанности и обещания. Чины поставления епископов, входящие в них исповедания (т.е. обещания от имени будущего епископа) и наставления от имени митрополита являются важнейшими документами, содержащими уникальные сведения. Они привлекали внимание исследователей со второй половины XIX в. преимущественно в рамках изучения богослужения в Русской церкви¹. Некоторые ранние тексты были опубликованы в XIX и начале XX столетия². Тем не менее история формирования чинов поставления епископов в Московской Руси и Великом княжестве Литовском остаётся малоизученной.

Наиболее ранним примером использования «исповедания» епископа обычно считается формуляр с датой 1423 г., сохранившийся в списках конца XV в.³

© 2021 г. М.В. Корогодина

Статья подготовлена в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00171 «Moscovia & Ruthenia XV—XVII вв.: взаимовлияние письменных традиций в сфере богослужения, канонического права, системы образования и богословия».

¹ *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской церкви в XVI веке. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Историко-археологическое исследование. Казань, 1884. С. 353—380; *Неселовский А.* Чины хиротесий и хиротоний. Опыт историко-археологического исследования. Каменец-Подольск, 1906; *Ваврик М.* Флорентійські унійні традиції в Київській митрополії 1450—60 pp. // Series II. Sectio II. «Analecta OSBM». Vol. IV(X). Fasc. 3—4: Miscellanea in honorem cardinalis Isidori (1463—1963). Romae, 1963. P. 329—362; *Ваврик М.* До історії єпископської присяги в XV—XVI вв. // Ibid. P. 363—390.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. № 370, 375. С. 463, 467—473; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. VI. СПб., 1880. № 52, 105. Стб. 437—464, 738.

³ *Богданов С.В.* Отрывок чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей Новгородско-Софийского круга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4(42). С. 56—69; *Корогодина М.В.* Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2(44). С. 113—117; *Белякова Е.В.* Замечания к полемике о чине поставления епископов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2(44). С. 118—119; *Тара-*

Этот текст входит в чин поставления («Устав, како подобает избирати епископа») и фиксирует время, к которому текст «исповедания» приобрёл законченную форму. Более поздние «исповедания» позволяют увидеть изменения, вносившиеся в документ, подписываемый будущим архиереем. Однако документ 1423 г. не появился одновременно, а стал результатом долгого процесса формирования чина поставления епископов, что заставляет обратиться к обстоятельствам складывания текстов подобного рода.

Если киевские митрополиты на протяжении нескольких столетий почти без исключений ставились Константинопольским патриархом и синодом, и уже по этой причине в русских богослужебных книгах не мог находиться чин поставления митрополита, то с епископами дело обстояло иначе. Часть из них также были рукоположены в Константинополе, но другие хиротонисаны митрополитом в русских землях. Совершение хиротонии требовало определённых молитв и священнодействий, которые формируют чин; однако мы не находим подобных текстов в богослужебных книгах до XIV в. Можно полагать, что на протяжении долгого времени хиротония совершалась во время торжественной литургии через чтение одной или нескольких молитв. Возможно, эти молитвы не переводились на славянский язык, а читались митрополитами на греческом языке — этого было достаточно в условиях малого числа епархий и редкости подобного богослужения.

Наиболее ранней рукописью, включающей чин хиротонии епископа, является архиерейский Требник второй половины XIV в., содержащий комплекс чинов поставления, состоящих только из молитв без каких-либо наставлений или «исповеданий» со стороны рукополагаемого. Кодекс был полностью издан и исследован М.С. Желтовым⁴, который пришёл к выводу, что в рукопись вошли переводы чинов из греческого Евхология, наиболее распространённого в Константинопольской церкви в X—XI вв.⁵ Согласно наблюдениям Т.И. Афанасьевой, данная рукопись содержит особый перевод Требника, связанный с именем Саввы Сербского и появившийся на Руси не ранее последней трети XIII в.⁶ Этот чин не включает особого формуляра для наставлений будущему епископу или описания его обязанностей и обещаний.

Данный перевод вышел из употребления на Руси уже в начале XV в., поскольку его вытеснил перевод Требника митрополита Киприана⁷. В последнем, однако, не было комплекса чинов поставлений клириков. Они присутствуют в другом переводе конца XIV в., появившемся в Сербии и условно названном

сов А.Е. Чины избрания и поставления епископов и роль светской власти в рукоположении архиереев конца XV—XVII вв. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV—XVII в. Калуга, 2019. С. 230—234.

⁴ Желтов М. Чиновник архиепископов Новгородских. Древнерусский Требник РНБ, Соф. 1056. М., 2017. С. 58—178.

⁵ Желтов М.С. Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку: Рукопись РНБ, Соф. 1056, XIV в. // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2005. Вып. 14. С. 149—150; Желтов М. Чиновник архиепископов Новгородских... С. 19—21.

⁶ Афанасьева Т.И. «Евхологий Саввы Сербского» и его рецепция в Древней Руси XIII—XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4(78). С. 146, 152.

⁷ Афанасьева Т.И. Литургическая реформа при митрополите Киприане и формирование Большого требника в Московской Руси // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 20—33.

Т.И. Афанасьевой Требником Стефана Душана⁸. Время его попадания в Киевскую митрополию неизвестно; наиболее ранний русский список, содержащий чины поставления клириков вне Требника Стефана Душана, относится к третьей четверти XV в.⁹ Чин поставления епископа из Требника Стефана Душана не включал ни «исповедания» будущего архиерея, ни перечня обязанностей со стороны митрополита.

Таким образом, ни один богослужебный чин, который мог быть известен в Киевской митрополии в конце XIV — первой половине XV в., не содержит наставлений епископу или его «исповедания». Если какие-либо поучения произносились митрополитом при рукоположении нового архиерея, то они целиком оставались на усмотрение митрополита. В Греческой церкви в тот же период уже были приняты иные традиции: текст «исповедания», произносимого претендентом на епископскую кафедру, сформировался при патриархе Константинопольском Николае Музалоне к середине XII в. и был существенно расширен во второй половине XIV в.¹⁰

В Киевской митрополии наиболее ранние тексты, описывающие обязанности епископа, относятся к 1413—1414 гг. Митрополит Фотий прибыл в Киевскую митрополию в 1410 г.; из летописей известно о двух совершённых им поставлениях на кафедры в землях Великого княжества Литовского: Севастиане, епископе Смоленском (хиротонисан в 1411 г. в Киеве), и Евфимии, епископе Туровском (хиротонисан в 1412 г. в Луцке)¹¹. О хиротонии епископа Владимирского Герасима не сохранилось летописного известия, однако митрополичий формулярник донёс ставленную грамоту митрополита Фотия, данную этому архиерею в 6922 (1413/14) г.¹² Дата поставления неизвестна, что не позволяет точно определить время хиротонии. Епископ Герасим назван среди участников первого собора галицких и литовских епископов, созванного в конце 1413 — начале 1414 г.¹³, и это заставляет предполагать, что он был посвящён в сан незадолго до собора, в осенние месяцы 1413 г. Однако, как мы увидим ниже, в ставленной грамоте митрополит Фотий немалое внимание уделяет «мятежам» в Церкви и идее единства митрополии; это указывает на то, что ко времени посвящения епископа Герасима конфликт, грозивший расколом, уже разгорелся, но митрополит ещё сохранял власть над епархиями Великого княжества Литовского. Поэтому более вероятным представляется, что епископ Владимирский был поставлен во время поездки митрополита Фотия в Великое княжество Литовское весной 1414 г., а в более раннем соборе Герасим принимал участие в качестве наречённого, но не рукоположенного епископа.

Ставленная грамота епископу Герасиму, являющаяся наиболее ранним русским образцом документа подобного рода, содержит все необходимые элементы: обоснование права митрополита Фотия распоряжаться «Русской митрополией»; подтверждение хиротонии владимирского епископа; перечень его обязанностей; наставление пастве о подчинении новому епископу. Несомнен-

⁸ Афанасьева Т.И. «Требник Стефана Душана», его состав и место в славянской традиции Требника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. Вып. 3(81). С. 127—142.

⁹ РНБ, Соф. 1488. Датировка рукописи: Шибеев М.А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 40.

¹⁰ Ваврик М. До історії єпископської присяги... Р. 364—365.

¹¹ ПСРЛ. Т. XVII. СПб., 1907. С. 55.

¹² Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Ч. 1. М., 1986. № 21. С. 119—120.

¹³ Афанасенко Ю.Ю. Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта // Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. Вып. 8. Минск, 2015. С. 94.

но, образцом для митрополита Фотия послужили греческие тексты; позднее эта форма воспроизводилась в ставленных грамотах в Великом княжестве Литовском на протяжении XV—XVI вв. Наибольшей оригинальностью обладает первая часть грамоты, говорящая о соединении Русской церкви и укреплении Русской митрополии после многих мятежей. Согласно грамоте, основанием для сохранения единства митрополии служит обычай, идущий со времён Крещения Руси («то изначала пошло от святого крещения»), и грамота патриарха и византийского императора с решением Константинопольского синода о посвящении Фотия на Киевскую митрополию. Эта часть, подчёркивающая опасность мятежей и разделения митрополии, несомненно, появилась как ответ на неприятие митрополита Фотия в Великом княжестве Литовском, завершившееся спустя недолгое время посланием литовских епископов с отказом подчиняться митрополиту и избранием Григория Цамблака. Показательным является упоминание в грамоте митрополита Фотия, что он поставлен не только соборным решением патриарха, но и «боговенчанным царем». Это демонстрировало великому князю литовскому Витовту образец единства светской и церковной власти в решении препоручить Русскую митрополию Фотию.

Позже, в 1452 г., эту часть ставленной грамоты в схожей ситуации использовал митрополит Иона при утверждении в правах занимать епископскую кафедру в той же Владимиро-Волынской епархии епископа Даниила. Последний был хиротонисан митрополитом Исидором. После того как митрополит Исидор бежал в Рим и был признан в Москве еретиком, встал вопрос о его ставленниках. Согласно церковным правилам, клирики, рукоположенные архиереем-еретиком, извергались из сана как не имеющие благодати или рукополагались повторно¹⁴. Митрополит Иона решил оставить епископа Даниила, приняв его через покаяние и отречение от Исидора и его последователей и дав ему новую ставленную грамоту¹⁵. Показательно, что митрополит Иона в качестве образца использовал грамоту митрополита Фотия, данную одному из предшественников епископа Даниила. Очевидно, грамота митрополита хранилась у Владимиро-Волынского епископа.

Вторая часть грамоты митрополита Фотия, начинающаяся со слов «По благодати, данной ми от Пресвятого и Живоначального Духа», представляет собой стандартную формулу, которая позднее использовалась в Великом княжестве Литовском при рукоположении различных чинов церковной иерархии, от дьяконов до епископов. Третья часть представляет собой перечень обязанностей епископа: рукополагать клириков от чтецов до священников, ставить игуменов, наставлять паству. Тот же перечень обязанностей должен был воспроизводиться в «исповедании» рукополагаемого епископа, однако «исповедание» епископа Герасима неизвестно. Заключительная часть обязывает паству подчиняться епископу.

В списках XVI в. сохранился ряд подобных грамот, данных епископам в XV столетии. Такие грамоты с похожей, но постоянно меняющейся формой писались непосредственно для будущего архиерея с его именем и датой хиротонии. Сходным образом шло формирование ставленных грамот другим клирикам: наиболее ранние из них отличаются значительной вариативностью

¹⁴ Правило святых апостол 68 (ОР ГИМ, Синод. собр., д. 132, л. 48г (Новгородская синодальная Кормчая, 1280—1282 гг.)).

¹⁵ Грамоты епископа Даниила и митрополита Ионы сохранились в митрополичьем формулярике в списке XVI в. (ОР РГБ, ф. 98 (собр. Е.Е. Егорова), д. 215, л. 520 об.—523, 534 об.—535).

текста и известны в виде именных грамот. Формуляр ставленных грамот клирикам был выработан уже ко второй половине XV в. В отличие от них, грамоты архиереям не приобрели формулярного вида и не вошли в богослужебный чин поставления епископа.

Тем же временем, к которому относится первая ставленная грамота, данная митрополитом Фотием, можно датировать первый в Киевской митрополии опыт использования «исповедания» архиерея. В митрополичьем формулярнике середины XVI в. сохранился текст, озаглавленный «Исповедание Григориево на поставление его митрополитом» и включённый в чин поставления митрополита Иоасафа 1539 г.¹⁶ Практика включать в новый чин сохранившиеся более ранние образцы грамот, предназначенные для той же ступени церковной иерархии, как именные, так и формулярные, характерна для XVI в.¹⁷ Это «исповедание» значительно отличается от всех подобных текстов XV—XVI вв.: оно полностью сосредоточено на подтверждении ортодоксальности кандидата и ничего не говорит об основании для поставления архиерея. Начинаясь с Символа веры, «исповедание» перечисляет отцов Церкви, учению которых следует будущий митрополит, и содержит подробный раздел с перечнем ересиархов, которых он проклинает. В особый пункт выделена ересь Варлаама Калабрийского и Григория Акиндина, которые в ходе долгой полемики с Григорием Паламой были осуждены на соборах 1341 и 1351 гг.; описание сути их ереси соответствует Вселенскому синодику в редакции 1370—1380-х гг., который рассылался по епархиям Киевской митрополии с конца XIV в.¹⁸ Подтвердив, что сан получен без мзды, всю вторую половину «исповедания» будущий митрополит посвящает обещаниям во всём соблюдать интересы епископов, советоваться с каждым из них, ни в чём им не противоречить и воздавать им честь; при этом в «исповедании» не упоминаются ни патриарх, ни синод.

Содержание «исповедания» однозначно указывает на то, что оно предназначалось для митрополита Григория Цамблака (1415—1419/20), который был возведён в сан собором епископов Великого княжества Литовского. Несомненно, условием избрания Цамблака стало соблюдение интересов епископов, а молчание будущего митрополита о Константинопольском патриархе объясняется тем, что он занял кафедру вопреки отказу патриарха Евфимия II посвятить Григория Цамблака в митрополиты. Показательно, что в отличие от других ересиархов, которые лишь перечислены в «исповедании», ересь Варлаама и Акиндина подробно охарактеризована; это объясняется тем, что их учение лишь незадолго до того было осуждено и потому требовало пристального внимания. Митрополит Григорий Болгарин (1458—1473) позднее был поставлен патриархом Григорием Маммой и не мог в своём «исповедании» игнорировать обязательства по отношению к Константинопольскому патриарху. Ко времени поставления митрополита Григория Болгарина в Великом княжестве Литовском был принят особый чин поставления архиереев, включавший «исповедание» совсем в другой форме, чем в описанном выше тексте¹⁹.

¹⁶ Там же, л. 518—519.

¹⁷ Так, сборник, принадлежавший митрополиту Даниилу, включал три различных «исповедания» епископов и митрополитов (Там же, ф. 113 (Волоколамское собр.), д. 571).

¹⁸ О Вселенском синодике см.: *Дергачёв В.В.* Вселенский синодик в древней и средневековой России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. Вып. 1(3). С. 24—25. Постановления о ереси Варлаама и Акиндина в составе Вселенского синодика изданы: *Успенский Ф.И.* Синодик в неделю православия. Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893. С. 30—31.

¹⁹ *Ваерик М.* Флорентійські унійні традиції... С. 330—343.

Это показывает, что «Исповедание Григоријево» следует относить ко времени посвящения Григория Цамблака, состоявшегося 15 ноября 1415 г., — заключительного этапа его долгого пути к митрополичьему престолу²⁰. Отсутствие параллелей с другими «исповеданиями», использовавшимися позднее при хиротонии епископов в Московии и Великом княжестве Литовском, показывает, что к тому времени их форма ещё не была выработана. Основная содержательная часть «исповедания» Григория Цамблака, обеспечивающая права епископов, полностью оригинальна и, без сомнения, составлена специально перед его посвящением. Первая часть с перечнем учителей Церкви и ересиархов и описанием ереси Варлаама и Акиндина опирается на Вселенский синодик, а статья, подтверждающая бескорыстность хиротонии, восходит к греческим чинам поставления²¹.

Наконец, ещё один текст, связанный с деятельностью митрополита Фотия, показывает, что в первой четверти XV в. в Киевской митрополии не было сложившегося и общепринятого чина поставления клириков. Согласно церковным правилам, епископу запрещалось совершать архиерейскую службу, в том числе хиротонию, на территории чужой епархии²². Лишь в редких случаях это становилось возможным с разрешения митрополита. Именно так произошло после смерти новгородского архиепископа Симеона: новгородцы избрали Феодосия, который был возведён на архиепископский двор 1 сентября 1421 г.²³ Однако новый архиерей так и не был хиротонисан и управлял Новгородской епархией, будучи лишь наречённым, но не рукоположенным архиепископом. Долгий конфликт митрополита Фотия с новгородскими владыками заставил его наложить запрет на нового ставленника. В 1422 г. митрополит дал грамоту тверскому епископу Илие, позволяющую ставить клириков в Новгородской епархии, чтобы предотвратить возможные попытки архиепископа Феодосия совершать таинства²⁴.

Условия, на которых дано это право, непросты: ставленник должен явиться к епископу Илие вместе с духовным отцом и шестью священниками, готовыми поручиться за кандидата. Каждый из них должен был подготовить и подписать поручную грамоту, которая в дальнейшем оставалась на хранении у епископа Илие. Эта сложная процедура требовала участия многих лиц, которым предстояло преодолеть путь от Новгорода до Твери. Текст не находит соответствий ни в более ранних, ни в позднейших последованиях поставления священников, использовавшихся в Киевской митрополии. Грамота свидетельствует о поиске Фотием формы процедуры поставления клириков, но данный вариант, предполагающий поездку со ставленником семи священников и написание ими грамот, был оставлен за трудностью исполнения. Позднее такая процедура не практиковалась, и за достоинство и правоверие ставленника ручался только его духовник, который давал грамоту, хранившуюся у епископа²⁵.

Хотя митрополит Фотий впоследствии отказался от использования процедуры, описанной им в послании епископу Илие, именно в этом послании было

²⁰ Афанасенко Ю.Ю. Новгородский собор... С. 99—101.

²¹ Ваерик М. До історії єпископської присяги... С. 364.

²² Правило Антиохийского собора 22 (ОР ГИМ, Синод. собр., д. 132, л. 95г—96а).

²³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 431.

²⁴ РГБ, ф. 98, д. 215, л. 570—572 об.

²⁵ См., например, ставленную грамоту священнику Якиму от епископа Филофея, 1473 г. (РИБ. Т. VI. Стб. 738).

впервые чётко сформулировано обоснование прав митрополита: его поставление «вселенским» собором Константинополя. Здесь отсутствует разброс в доказательствах прав митрополита Фотия, характерный для его грамоты владимирскому епископу Герасиму — и древность обычая, идущего со времён Крещения Руси, и участие в поставлении византийского императора. Обоснование прав митрополита, ставшее впоследствии неперменной составляющей всех митрополичьих грамот, касавшихся церковной иерархии, в грамоте епископу Илие было сформулировано предельно лаконично. Уже в следующем 1423 г. в «уставе» избрания епископа митрополит Фотий предложил немного изменённую формулировку: «Не хотети ми приимати иного митрополита, разве кого поставят из Цариграда, как то изначала есми прияли», которая отчасти соединяла в себе оба доказательства прав митрополита: поставление в Константинополе и давность обычая.

Таким образом, именно митрополит Фотий разрабатывал процедуру поставления клириков в Киевской митрополии: искал форму поставления, продумывал количество участников, вводил использование грамот, дававшихся ставленником, архиереем, совершающим хиротонию, и духовником рукополагаемого. Он формулировал обязанности будущего епископа или священника; обосновывал права архиерея на совершение таинств. В более ранний период в текстах были зафиксированы только молитвы, читавшиеся при рукоположении; переведённый в конце XIV в. Требник Стефана Душана, включавший чины поставления, пришёл на Русь не ранее середины XV в. Это позволяет нам связать формирование чинов поставления как церковно-административной процедуры с деятельностью Фотия. Истоки этого процесса относятся к началу 1410-х гг., когда митрополит столкнулся с неприятием его как главы единой Киевской митрополии со стороны епископов Великого княжества Литовского и Королевства Польского.